

Василий РОЗАНОВ (1856–1919)

РУССКИЙ НИЛ *(отрывок из очерка)*

Вот наконец и вторая моя родина, духовная, – нагорный Симбирск. Я не надеялся когда-нибудь его увидеть, потому что не было и не предвиделось никогда повода спуститься так далеко по Волге. Зачем? Я не странствователь, а домосед. Но выпал случай хорошенько отдохнуть, и фантазия отдыха повлекла меня на Волгу.

Мы, гимназисты младших классов, ни разу не рискнули переплыть на лодке на ту сторону Волги: так широка она в Симбирске. Во время весеннего разлива глаз уже не находит того берега, теряясь на глади вод. Берег чрезвычайно крут: и самый город с его «Венцом» (гулянье над Волгою) лежит на плоском плато, которое обрывается к берегу реки. В симбирской гимназии я учился во 2-м и 3-м классе в 1871–1873 учебных годах, в пору директорства там Вишневого, в пору Луповского, Христофорова, Штейнгауэра и Кильдюшевского, из которых некоторые были известны не в одном Симбирске учебниками или литературно. Всякий, взглянув на эти коротенькие годы (1871–1873) и молоденькие классы (2-й и 3-й), усомнится и не поверит, что же я мог тогда видеть, заметить и пережить? Между тем

я пережил в них более новое и, главное, более влиятельное, чем в университете или в старших классах гимназии в Нижнем.

Я не только не встречал потом, но и не могу представить себе большего столкновения света и тьмы, чем какое в эти именно годы (и, вероятно, раньше и позднее потом) происходило именно в этой гимназии. Вся гимназия делилась на две половины, не только резко различные, но и совершенно противоположные, тайно и даже явно враждебные, – совершенной тьмы и яркого, протестующего, насмешливого (в сторону тьмы) света. Прямо из «машиного гнёздышка» (в Костроме) я попал в это резкое разделение и ощутил его не идейно и «для других», а ощутил плечом, кожей и нервами, для «своей персоны», что такое и тьма, что такое и свет. Воистину для меня это было как бы зрелищем творения мира, когда Бог говорит: «вот – добро», «вот – зло». Боже, такая разница пережить это разделение или только сознать его, какое богатство и преимущество физиологического ощущения над идейным, головным, когда копаешься-копаешься и вот докапываешься до «умозаключения».

Здесь чувствует кожа, и всё незабвенно!

«Управлял» гимназией Вишневский – высокий, несколько припухлый, «с брюшком» и с выпуклым, мясистым голым лицом генерал. За седые волосы в седой пух около подбородка ученики звали его Сивым (без всяких прибавлений), а генералом я его называю потому, что со времени получения им чина действительного статского советника никто не смел называть его иначе как «ваше превосходительство» и в третьем лице, заочно, – «генерал». Но он был, конечно, статский. Он действительно «управлял» гимназией, то есть по русскому, нехитрому обыкновению он «кричал» в ней и на неё и вообще делал, что все боялись в ней, и боялись именно его. Все мысли всей гимназии сходились к нему, генералу, и все этого чёрного угла, где, видимо или невидимо (дома, в канцелярии), стоит его фигура, боялись. Боялись долго; боялись все, пока некоторые (сперва учителя и наш милый, образованный инспектор Ауновский) не стали чуть-чуть, незаметно, про себя, улыбаться. Так чуть-чуть, неуловимо, субъективно. Но как-то без слов, без разговоров, гипнотически

и телепатически улыбка передалась и другим. От учительского персонала она передалась в старшие ряды учеников и стала по ярусам спускаться ниже и ко 2-му году моего пребывания здесь захватила вот даже нас, третьеклассников (то есть человек пять в третьем классе).

Улыбка разнообразилась по темпераментам и склонностям ума, переходя в сарказм, хохот или угрюмое, желчное отрицание. Всего было, всякие были. Улыбка искала себе опору: она ставила делом чести чтение книг, и никогда я (и мои наблюдаемые товарищи) не читал и не читали столько, сколько тогда в Симбирске читали, списывали, компилировали, спорили и спрашивали. Такой воистину безумной любознательности, как в эти 71-73 годы, я никогда не переживал. «Ничего» и «всё». С «ничего» я пришёл в Симбирск: и читатель не поверит, и ему невозможно поверить, но сам-то и про себя я твёрдо знаю, что вышел из него со «всем». Со «всем» в смысле настроений, углов зрения, точек отправления, с зачатками всяческих, всех категорий знаний. Невероятно, но так было.

